

К ТЕОРИИ ПАРТИЗАНА К. ШМИТТА: СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВЕНТУАЛЬНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ ПАРТИЗАНА

М.П. Остроменский

Мэрия города Новосибирска, администрации Ленинского района, Россия, 630108,
г. Новосибирск, ул. Станиславского, д ба

В работе рассмотрены эвентуальные социально-политические условия появления партизана. Показано, что данный феномен становится возможным при социально-политической неопределённости в государстве и социальной аномии в обществе, вызываемых поставленной под сомнение легитимностью суверена. В таких условиях падает значимость общественных институтов, правовых норм и рутинных правил, а роль личности и принятия ею самостоятельных решений в каждом конкретном случае возрастает. Увеличивается область этих самостоятельных, нерегламентированных решений. Такие условия характерны для оккупированной территории, особенно в ситуации продолжающейся войны. Кроме того, здесь коренное население, не предпринимая никаких противоправных действий, с точки зрения обоих конфликтующих суверенов, оказывается поражённым в правах. Всё это дает возможность гражданину даже с низким социальным статусом проявить собственную политическую субъектность. Поведение оккупированного населения может следовать трём моделям: ожидания решения конфликта между суверенами и последующего принятия его результатов как должного – абсолютное большинство населения, активная помощь оккупирующему суверену с целью утверждения нового политического порядка – коллаборант, активное противостояние оккупационной власти с целью возврата прежнего политического – партизан.

Ключевые слова: Карл Шмитт, теория партизана, партизан, суверен, коллаборант, децизионизм, понятие политического, политико-правовая неопределённость, война, аномия.

Наибольший вклад в социально-философское осмысление такого социально-политического феномена как партизан, думается, внесён крупным немецким мыслителем, политическим философом и юристом Карлом Шмиттом в книге «Теория партизана» [21]. Очень важно, что данная теория явилась побочным результатом его глубоких размышлений о понятии политического [1, 2, 3, 4, 10, 17] и его опыта построения теории децизионизма – теории принятия политического решения, через которую К. Шмитт объясняет происхождение суверенитета, права и правопорядка [2, 6, 10, 14, 15, 18, 20]. В этом контексте К. Шмитт наткнулся на «партизана», как феномен возникающий, пусть и на краткий период, в условиях политико-правовой неопределённости в государстве, тему, по сути, центральную в его исследованиях и, наверное, жизни. Недаром книга «Теория партизана» [21] имеет подзаголовок «*промежуточные замечания по поводу понятия политического*». Однако К. Шмитт оставил исследование феномена «партизана» на ситуации 1963 года, когда была опубликована его книга (из интервью 1969 года Иоахиму Шикелю на ту же тему видно, что «партизан» более не находилась в фокусе его размышлений [21], да, видимо, никогда и не находился).

Позиционируя партизана как политического бойца, К. Шмитт не рассматривал условия возникновения данного феномена. Для него достаточно было констатации факта политико-правовой неопределённости, ибо он исследовал возникновение *civil ad chaos*, если перефразировать известную максиму, а не отдельных явлений, сопутствующих данному процессу. Но сам этот феномен «партизан» продолжал жить и развиваться [2, 12]. Он оказывал значительное влияние на мировые политические процессы. Потому «партизан», как социально-политический феномен, формирующий политическую картину мира в эпоху глобализации, является важным и актуальным объектом исследования.

Нами была ранее [13] высказана гипотеза о том, что партизан возникает на политической сцене противоборства суверенов как результат принятия частным лицом самостоятельного политического решения о начале собственной вооружённой политической борьбы. В развитие и обоснования данной гипотезы здесь мы рассматриваем эвентуальные (делающие возможным) социально-политические условия появления партизана.

Для понимания сути партизана как социально-политического феномена, важно учитывать, что индивиды, ставшие партизанами, до своей трансформации, по большей части были обычными мирными гражданами, не желавшими участвовать в вооружённой политической борьбе, часто не обладавшими опытом обращения с оружием. Они даже не были призваны в армию, несмотря на идущую войну. До перехода конкретного индивида в партизаны ничего не

предвещало такого поступка. *Решение стать партизаном частное лицо принимает в последний момент, по обстоятельствам, исходя, в первую очередь, из своих внутренних установок, побуждений и мотивов, при этом мало сообразуясь со сложившимися правовыми нормами и правилами.*

Подобное решение становится возможным только когда политическая ситуация такова, что существующие легальные и легитимные процедуры и акторы в государстве не способны исполнять свои функции, руководствуясь формальными предписаниями и привычными ролями. Причём это относится как к праву (и правоприменению, и процессуальным нормам), так и к традиции (в отношении табу, дозволенного и недозволенного, социальным ролям). Складывающаяся функциональная политическая «недостаточность» существующей власти влечёт за собой и неопределённость положения самих политических акторов вплоть до суверена, социальных институтов и общепринятых правовых процедур, обеспечивающих их функционирование и взаимодействие.

Политико-правовой неопределённостью характеризовалось положение в Российской республике в конце 1917 – начале 1918 гг. Большевики сумели воспользоваться ситуацией, возникшей после свержения суверена в лице Николая II и усугублённой Октябрьским переворотом. В.И. Ленин, проявив политическую волю, воспрепятствовал успешному проведению Учредительного собрания, ликвидировав, тем самым, актуальную легитимную угрозу власти большевиков, уравнивая с точки зрения легитимности шансы всех российских политических акторов, сделав их нелегитимными. Ни в октябре 1917 г., ни в январе 1918 г. не нашлось достаточно авторитетных, волевых политических акторов, способных противостоять Ленину и защитить республику и Учредительное собрание. Последующая Гражданская война окончательно решила вопрос о суверене и власти в России.

Государство и общество в ситуации политико-правовой неопределённости характеризуются аномией – социальной дезинтеграцией, при которой падает способность общества к внутреннему нормативному саморегулированию [7].

Таким было положение в Российской Федерации и на всём постсоветском пространстве в конце 80-х и в 90-х гг. XX в. В СССР постепенно нарастала дисфункция центральной власти, не способной совладать или удержать в границах дозволенного отдельных лиц и целые социальные и этно-политические группы, что вылилось в погромы, массовую внутреннюю миграцию, формирование независимых центров силы. В дальнейшем развилась в обществе и аномия. Когда «нормой», обыденностью стало решение проблем силой, резко возросла преступность, повысился уровень жестокости в обще-

---

■ Исследовательские статьи

стве, сильно выросла наркомания, алкоголизм. Массовым явлением стали беспризорные дети. Резко увеличилось количество бездомных, появились нищие и голодающие. Всё это привело к росту самоубийств, к массовой эмиграции за границу, резкому падению рождаемости и продолжительности жизни граждан.

Для выявления условий появления партизан обратимся к идеям Роберта К. Мертона, который выделил две силы, формирующие аномию. Одна опосредуется культурой и устанавливает сферу устремлений групп и индивидов, а вторая связана с конкретной социальной структурой общества и определяет перечень приемлемых для него способов достижения целей [11]. В таком контексте область политического является пространством деятельности и инструментом воздействия уже не столько социального института, сколько отдельной личности. Личность в условиях политико-правовой неопределённости и аномии выступает на первый план. Она остаётся единственным актором, поскольку в ситуации аномии индивид уже не имеет возможности репрезентировать государственную власть или полагаться на действия оной. От него требуются особые «чрезвычайные» решения. Обстоятельства толкают его на принятие личных решений, исходя из собственного видения конкретной ситуации и не брать в расчёт существующие правила и нормы.

В стандартной ситуации не имеет особого значения, кто конкретно является сувереном, ведь от него не требуется принятия экстраординарных решений, а его обычные указания исполняются в силу добровольного подчинения нижестоящих лиц в соответствии с правилами и нормами. Подчинение, и, следовательно, исполнение указаний суверена обеспечивается установленной процедурой (правовой или основанной на традиции).

Примерами вышеизложенных тезисов служат современные государства западной демократии. В них популярность высшего должностного лица иногда значительно падает, однако это мало влияет на исполнение его распоряжений государственным аппаратом. В том числе и в части проведения военных операций.

Всё происходит иначе в ситуации политико-правовой неопределённости, когда аномия возрастает настолько, что позволяет отдельным лицам и даже группам лиц игнорировать распоряжение суверена и проводить порою открыто собственную политику, а суверен не в состоянии стандартными процедурами мирного времени это пресечь. Здесь и возрастает роль личности. *Суверен вынужден или быть властью, или же уйти.*

Сошлёмся на украинский опыт Виктора Фёдоровича Януковича, который не смог подтвердить свой статус суверена; на ливийский опыт полковника Муамара Каддафи, который проиграл гораздо более сильному противнику,

но оставался политическим актором и претендовал на роль суверена до конца; на сирийский опыт президента Башара Хафеза аль-Асада, который продолжает быть сувереном, подтверждая свой статус четырьмя годами войны; на опыт ГКЧП, члены которого, хотя и приняли политическое решение в условиях нарастающей государственной политико-правовой неопределённости, но авторитета, воли и решимости которых не хватило для претворения его в жизнь; на пример Бориса Николаевича Ельцина, который в отличие от В.Ф. Януковича, в октябре 1993 г., на пике противостояния с Верховным советом России, отдал приказ о штурме Белого дома, тем самым утвердив свой статус действительного суверена.

Решение суверена особенно в условиях политико-правовой неопределённости – это не решение какого-то общественного института, а всегда решение конкретного индивида. Впрочем, иногда эти полномочия берутся явочным порядком, ведь «*в чрезвычайном случае уничтожается норма*» [18, с.25]. *Суверенитет – это не столько установка норм, сколько способность принятия решение об их упразднении* [17]. *Собственно с упразднения старой нормы и начинается новый суверенитет.*

К. Шмитт, следуя за Т. Гоббсом, полагал суверена не только институтом или элементом исследовательской модели, но подразумевал тесную связь суверена с конкретной личностью, считал значимым атрибутом суверена волю и необходимость его персонификации [14, 18, 20].

Из вышеизложенного следует, что *соответствующее суверенное решение может принять любое частное лицо, если обстоятельства сложатся таким образом, что это решение станет возможным.* И если в обычных условиях ничего подобного не происходит и не может произойти – работает правовая норма и соблюдается (защищается) правопорядок, то ситуация политико-правовой неопределённости и аномии такую возможность предоставляют.

Таким образом, отправными положениями для понимания социально-политического феномена партизана, мы полагаем уменьшение значения рутинных процедур и норм традиции в поведении и во взаимодействии индивидов и социальных структур общества при возрастании роли личностных качеств отдельного индивида в условиях социально-политической неопределённости в государстве и аномии общества.

Вернёмся теперь к рассмотрению конкретной ситуации, в которой появление партизана становится возможным. Мы знаем, что партизан появляется в процессе войны – попытке решить политический конфликт двух суверенов, достигший высшего состояния напряжённости и уже не имеющий возможности быть улаженным иным образом.

В процессе боевых действий значительная часть подданных одной из сторон конфликта

оказывается на оккупированной противником территории, где следует пока временная смена суверена. Происходит она без какого-либо участия со стороны проживающего там народа и без согласия его «старого» суверена.

Оккупированное население, не предпринимая никаких противоправных действий (причём с точки зрения обоих суверенов), не перемещаясь в пространстве, живя в той же местности и в том же окружении (этническом, социальном, религиозном, но *отнюдь не политическом*), занимаясь той же самой довоенной своей деятельностью, подпадает под чужую власть и поражается в политических и социальных правах.

Нахождение иностранных войск и право оккупационной администрации на распоряжение имуществом, свободой и жизнью местного населения не закреплено пока ни временными договорами между суверенами, ни основательными законами, ни местной традицией. Оно сомнительно и подтверждено только «штыком» – «правом сильного», которое всегда, хотя и принималось социумом, но вынужденно. Оно никогда и нигде не считалось по-настоящему сразу легитимным.

Таким образом, на оккупированной территории возникает ситуация неопределённой легитимности власти. Особенно в условиях, когда боевые действия не завершены и имеется действующий легитимный «старый» суверен. Статус последнего признаёт и оккупирующий суверен, поскольку ведёт против него вооружённую борьбу, по результатам которой намерен подписать некие фиксирующие взаимоотношения правовые документы. Причём не обязательно вся оккупированная территория перейдёт под нового суверена.

На оккупированной территории отсутствует норма взаимоотношения власти и общества (правовая или традиционная), принятая всеми сторонами конфликта, а значит, нет легитимного правопорядка. Этот факт неопределённости очевиден и суверенам. Собственно, в этом и состоит суть их столкновения – смена суверена, а значит и легитимного порядка на спорном земельном участке.

Право здесь наиболее явно ситуативно [18], т.е. оно базируется на конкретном частном решении конкретного уполномоченного оккупационным сувереном лица («комиссара действия», в терминах К. Шмитта [20]), в конкретной ситуации, исходя из личного, субъективного отношения его к складывающейся обстановке. Оно руководствуется самыми общими требованиями к принятию решения в условиях военного времени, т.е. «сообразно положению дел» [20].

Оккупирующий суверен, хотя и контролирует территорию и в силах навязать некие «собственные порядки», но по-настоящему не полагает её пока своей. Его «комиссары» действуют здесь как «чужие». В том числе проводя

изъятие имущества аборигенов и вывоз его на свою исконную территорию, либо используют для собственных нужд с компенсацией, устанавливаемой по собственному произволению. В отношении оккупируемого населения используется упрощённая процедура наказания, в которой порою отсутствует даже такой элемент как «следствие», не говоря уже о «защите». Существенно расширен перечень проступков, за которые следует смертная казнь. Подчёркнём, что это всё применяется к гражданскому населению не участвующему непосредственно в боевых действиях.

Иллюстрацией вышеизложенного может служить рассказ Валерия Павловича Свенцицкого «Шутка Лейтенанта Гейера» [16] по эпизоду Первой мировой войны. Во время реквизирования за деньги коров у польской крестьянки, немецкий лейтенант «добродушный смешливый толстяк», на её мольбы не делать этого, поскольку её дети могут умереть без молока, пошутил «*Это можно исправить: я велю их расстрелять - тогда коровы вам будут не нужны...*», – залившись после «*добрым, колышущимся смехом. Шутка так ему понравилась, что он повторил её по-немецки, обращаясь к ближайшему офицеру: - Расстрелять этих малышей - тогда она за ненужностью продаст нам коров*». Солдаты, восприняв эту шутку как приказ, расстреляли детей.

Таким образом, на оккупируемой территории вообще нет легитимной нормы, как таковой, а значит, там нет ни легитимного порядка, ни правопорядка, ни норм права, ни норм традиции, что является «питательной почвой» для впадения социума в аномию. Мы имеем настоящую длящуюся ситуацию, в терминах К. Шмитта, «*серьёзного положения*», обусловленного неопределённой политико-правовой легитимностью действующей оккупационной власти, и нерешённостью до конца вопроса о субъекте власти – наличием двух суверенов, претендующих на одну территорию. Именно комплекс этих факторов и определяет возможность появления партизана.

В этих условиях у жителей, попавших под оккупацию, имеются, три модели поведения: во-первых, можно принять данную ситуацию неопределённости как «нормальную» до окончательного её разрешения политическими акторами. И тут население выступает как совершенно пассивная и инертная среда, оставляя право решения своей судьбы за суверенами и заранее подчиняясь им. Оно полностью отдаётся на волю победителя, лишь надеясь на его милость. Собственно, именно к этому призывает Т. Гоббс, описывая хорошего подданного и условия смены им суверена [5].

Во-вторых, в той или иной степени поддерживать нового оккупирующего суверена, признав его своим и начать деятельно способствовать легитимации его власти и установления нового политического режима.

■ Исследовательские статьи

В-третьих, они могут, отказавшись признавать ситуацию как «нормальную» даже временно, начать борьбу за возвращение «своего старого» порядка, «старого» политического, «старого» суверена и стать, таким образом, политическим актором.

Второй и третий варианты предполагают самостоятельный политический выбор, «серьёзное» политическое решение [12] исходящее, подчеркнём, из *политических интересов*.

Второй вариант – коллаборант. Он «изменяет» прежнему суверену и переходит к новому, не дожидаясь результатов войны, самостоятельно осуществив политическую дефиницию «друга» и «врага» в шмиттовском смысле. Таким образом, коллаборант уменьшает на данный момент для себя политическую неопределённость, выбрав выход из ситуации «чрезвычайного положения» – признание новой власти как истиной власти.

До войны, до возникновения политической неопределённости правом политического разделения на «друзей» и «врагов» обладал исключительно суверен. Подданный следовал за ним, в том числе и на войну с «врагами» суверена, всегда оставаясь зависимым участником конфликта. Он являл собою ресурс суверена, не принимая решения о начале конфликта, о его прекращении. Так Т. Гоббс в «Левиафане» [5] требует от подданных полного подчинения государю в общественных вопросах. Лишь за сувереном признаётся «*jus gladii*» – право меча и «*jus belli ac pacis*» — право войны и мира. Только суверен принимает окончательно решение по этим вопросам, сообразуясь со своим пониманием «общественной пользы». И даже более того: «*подданные не могут изменять форму правления*» и «*верховная власть не может быть потеряна*» [5, с.68-69]. Политическая внутренняя несамостоятельность населения, по-другому, политическое единство – один из основополагающих принципов построения устойчивого государства. Здесь же корень обоснования К. Шмиттом «конвенционной» войны как предпочтительной [21], как наиболее соответствующей сути понятия «политического» [12].

Характерным примером конвенционного конфликта может служить эпизод из Восточно-африканской компании Первой мировой войны. После неудачной попытки занять город Танге, важный порт Германской Восточной Африки, британский генерал-майор Артур Эдвард Айткен передал немцам медикаменты, в которых они нуждались, и письменно извинился за обстрел больницы в ходе боя. Немцы в свою очередь освободили пленных британцев [9].

К. Шмитт полагал и не без основания, что лучше бы политическое оставили в покое и не пытались деполитизировать политику, введя в неё (иначе – политизируя) мораль, этику, экономику и прочее, ибо «*сегодня самая страшная война ведётся только во имя мира, а самое бесчеловечное совершается лишь во имя человечности*» [19, с.57].

Он также относил политическое разделение, поддерживая в этом Т. Гоббса, преимущественно к внешней политике. Если же оно серьёзно проникает во внутреннюю политику, то следствием является гражданская война, в которой противоборствующие силы легко добираются до абсолютной вражды [2, 18, 19, 21].

Но коллаборант, начиная деятельно сотрудничать с оккупационным сувереном, принимает настоящее политическое решение – самостоятельно, сообразуясь со своей волей, он меняет суверена, т.е. лишает верховной власти одного, передавая её другому. Таким образом, коллаборант ставит под сомнение атрибутивность окончательного политического решения суверену, выказывая свои претензии на власть, как на нечто, принадлежащее ему искони и лишь добровольно передаваемое во временное пользование суверену, и которое он может в определённых обстоятельствах и по собственному желанию забрать у одного суверена и передать другому. По сути коллаборант ставит под сомнение суверенность суверена. Потому последний, принимая от него клятву верности, сильно рискует, развращая сердца и ослабляя дух своих «старых» подданных. Можно сказать, что коллаборант – это «не состоявшийся» партизан или уже «победивший» партизан, с одним отличием: собственно партизан не боится смерти и забвения. Тогда как для коллаборанта страх перед неизвестным – основной мотив поступков, причина его отчаяния, преодоление которого он видит через смену суверена.

Теперь полезно сравнить два исторических эпизода. Один с прусским генерал-лейтенантом Людвигом Йорком фон Вартенбергом приводит К. Шмитт [21]. Йорк командовал вспомогательными частями, приданными по соглашению прусского короля Фридриха Вильгельма II с Наполеоном I весной 1812 г. французской армии. Но в декабре того же года Йорк заключил с русским генералом-квартирмейстером Иоганном Карлом фон Дибичем знаменитое Таурогентское соглашение. Согласно ему, Йорк временно до окончательного решения своего короля, прекращал боевые действия против русских и отходил в нейтральную область Восточной Пруссии [8]. Тем самым, в условиях политико-правовой неопределённости, вызванной очевидным поражением Наполеона в войне 1812 г., Йорк, не взяв на себя право окончательного политического решения уровня суверена – определять политического «друга» или «врага», – поставил этот вопрос перед Вильгельмом II. В письме своему суверену Йорк спрашивал, должен ли он сражаться с «*действительным врагом*», т.е. с Наполеоном, или же король осуждает его поступок и тогда Йорк готов понести соответствующее наказание (мы рассматриваем здесь формальную сторону поступка генерала Йорка, а не мотивы его действий).

Но именно таков второй вариант поведения жителей оккупированной территории. Они

в условиях политико-правовой неопределённости, отдают право решения на усмотрение суверенов и «отходят в сторону», заранее принимают оное.

Сравним действия Йорка с действиями Пауля Эмиля фон Леттов-Фоберка, также немецкого офицера. После начала Первой мировой войны он, вопреки распоряжению губернатора германских колоний в Восточной Африке Генриха Шнее – т.е. вопреки воли суверена, которую фактически представлял «комиссар» Шнее, активно выступил против английских колониальных войск. С января 1915 г. Леттов-Фобек перешёл к тактике партизанской войны, которую с успехом вёл почти четыре года. Вёл, не имея никакой помощи, даже связи с Германией, рекрутируя бойцов из местных племён, вооружаясь исключительно за счёт противника. Активно маневрируя, непрерывно нападая на гарнизоны и населённые пункты «врага», Леттов-Фобеку удалось сковать до 300 тысяч войск Антанты и союзников. Лишь в ноябре 1918 г., узнав из документов пленного английского офицера о заключённом Германией перемирии, он с подчинёнными сдался, имея в своём распоряжении менее полутора тысяч бойцов [9].

В условиях политико-правовой неопределённости, вызванной началом войны, нарушением англичанами нейтралитета колоний, установленного на конференции 1884 г., обстрелом Дар-эс-Салама, Леттов-Фобек принял самостоятельное политическое решение: силовым путём сместил губернатора, сам возложил на себя всю полноту административной и военной власти в колониях и без распоряжения суверена начал вооружённую борьбу.

Фон Леттов-Фобек явил третий вариант поведения – партизана, который нас в дальнейшем и будет интересовать. Пример этого офицера интересен ещё и тем, что именно он возглавлял защиту порта Танге, в приведённом выше эпизоде «конвенционной войны». Спустя короткое время, в радикально изменившихся условиях, Леттов-Фобек в полной мере уже явил собою тип классического партизана [13]. От принятия самостоятельно политического решения начать боевые действия, помимо воли суверена до добровольного прекращения сопротивления после достижения определённых политических целей его сувереном. Т.е. сложившиеся вначале условия политической

неопределённости позволили Леттов-Фобеку, проявив личные качества, значительный период времени действовать как самостоятельный политический актор высшего уровня – вести войну. Снижение политической неопределённости, начало переговоров о мире, сузило пространство самостоятельного личностного решения, вновь начали работать правовые нормы и правила, это поставило перед Леттов-Фобеком вопрос о его политической субъектности. Как представитель классических партизан, не имея самостоятельного политического, он сложил оружие и вновь принял власть прежнего суверена, за интересы которого, по-своему им понимаемые, он вёл собственную войну.

Подведём краткие итоги. Можно утверждать, что партизан появляется, как один из типов реакция личности на возникающие социально-политические условия неопределённости в государстве, вызванные сомнением в легитимности актуального суверена и возрастающей аномии в обществе в связи с неспособностью и нежеланием нового суверена установить регулярный правовой порядок. Неопределённость в легитимности суверена и установленной им системы власти, является следствием перехода (или наличием серьёзной претензии) фактического, но не юридического, контроля над территорией от одного суверена к другому, в процессе острого политического противостояния – войны. В таких условиях стандартные правовые процедуры и целые институты общества не работают, вследствие чего в социуме нормы поведения и общие ценности размываются. Отдельный человек и даже группа не может быть уверенной в том, что её законные интересы будут соблюдены другими и защищены сувереном. Вследствие чего резко возрастает роль личности даже в рутинных делах, т.е. это относится не только к суверену или людям, наделённым им властными полномочиями, но и к каждому партизанскому гражданину. Последнее позволяет части населения оккупированной территории не соглашаться с переменной «состава» суверена и принимать решение о начале самостоятельной вооружённой политической борьбы – стать партизанами. «Уход в партизаны» это попытка личности отстоять или защитить свою индивидуальность, теснейшим образом связанную с привычной социальной средой обитания.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Проблема политического в консервативной публицистике Карла Шмитта // Вестник ТГУ, Гуманитарные науки. История и политика. 2009. Вып. 7 (75). С. 350-356.
2. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня./ пер с фр. С. Денисова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
3. Афанасьев В.В. Карл Шмитт: общество и государство // Социология. 2012. №2. С.85-94.
4. Бёкенфёрде Эрнст-Вольфганг. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Логос. 2012. №5 (89). С.158-177.

■ Исследовательские статьи

---

5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
6. Гузикова М.О, Спиридонов Д.В. Лингвистическое описание идеологий: проблема методологий // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 105-112.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
8. Клаузевиц К. фон. 1812 год / Пер. с нем. А. К. Рачинского и М. П. Протасова, под ред. комдивов А.А. Свечина и С.М. Белицкого. М.: Госвоениздат, 1937. 242 с.
9. Леттов-Форбек П. фон Мои воспоминания о Восточной Африке // Заморские театры Первой мировой войны. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 582 с.
10. Лёвит К. Политический децизионизм // Логос. 2012. №5 (89). С.115-142.
11. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). / Пер. с франц. Е.А. Самарской. Ред. М.Н. Грецкий. Москва, Прогресс, 1966. С. 299-313.
12. Муфф. Ш. Политика и политическое. / Пер. с англ. И.И. Мюрберг. // Политико-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2008. С. 88-102.
13. Остроменский М.П. К теории партизана К. Шмитта: Эволюция партизана как социально-политического феномена // Свободная мысль. 2016. №4. С.65-76.
14. Рахшмир П.Ю. Децизионизм // Политическая теология Карла Шмитта. Жизненный путь радикального оппортуниста. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с. URL: http://society.polbu.ru/rahshmir_ideas/ch28_i.html. (дата обращения 11.05.2016).
15. Русакова О.Ф. Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта // Дискурс-Пи. 2013. №1-2. Т. 10. С. 266-269.
16. Свенцицкий В. П. Шутка Лейтенанта Гейера // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Дарь, 2008. С. 575-580.
17. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
18. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Заключ. статья и сост. А. Филиппов. М.: «КАНОН-Пресс-Ц». 2000. 336 с.
19. Шмитт К. Эпоха деполитизации и нейтрализации // Социологической обозрение. 2001. Т. 1. №2. С.48-58.
20. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. Д.В. Кузницина. СПб.: Наука, 2005. 306 с.
21. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. 309 с.

Об авторе

Остроменский Михаил Петрович – начальник отдела экономического развития и трудовых отношений администрации Ленинского района города Новосибирска. E-mail: ostrom06@mail.ru.

K. SCHMITT'S THEORY OF PARTISAN: SOCIO – POLITICAL EVENTUALITY OF PARTISAN

M.P. Ostromenskij

City administration of Novosibirsk, administration of Leninsky district, 6a Stanislavsky St., Novosibirsk, 630108, Russia.

Abstract: *Eventual socio-political conditions of the appearance of a partisan are considered. It is shown that the appearance of the partisan becomes possible when the socio-political uncertainty in the state and social anomie in society caused serious set into question the legitimacy of the sovereign. In such circumstances, falling value of public institutions, the rule of law and the rules of the routine, but the role of the individual and adopt independent decisions, in each case, increases. And increasing the area of independent ad hoc decisions. Such conditions arise in the occupied territory, especially in a situation of the continuing war. Besides, here indigenous people without taking any illegal actions, from the point of view of both clashing sovereigns, it is struck in the rights. All this makes a real opportunity to show the political subjectivity of the citizen, even with low social status. The behavior of the occupied population can follow three models: expectations of the solution of the conflict between sovereigns and the subsequent acceptance of its results as due - absolute majority population, the active help to the occupying sovereign for the purpose of the statement new political – the collaborator, active opposition of the occupying authority for the purpose of return former political – the partisan.*

Key words: Carl Schmitt, the theory of partisan, partisan, the sovereign, collaborator, decisionism, the concept of political, political and legal uncertainty, war, anomaly.

References

1. Artamoshin S.V. Problema politicheskogo v konservativnoi publitsistike Karla Shmitta [Problem of political in conservative journalism of Karl Schmitt]. *Vestnik TGU, Gumanitarnye nauki. Istorii i politika*, 2009, no. 7 (75), pp. 350-356. (In Russian).
2. Alain de Benoit. Carl Schmitt actuel. Paris, Editions Krisis, 2007. 162 p. (Russ. ed.: Alen de Benua. *Karl Shmitt segodnia*. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2013. 192 p.).
3. Afanas'ev V.V. Karl Shmitt: obshchestvo i gosudarstvo [Karl Schmitt: society and state]. *Sotsiologiya*, 2012, no.2, pp.85-94. (In Russian).
4. Bekenferde Ernst-Vol'fgang. Poniatie politicheskogo kak kliuch k rabotam Karla Shmitta po gosudarstvennomu pravu [Concept political as key to Karl Schmitt's works on state law]. *Logos*, 2012, no.5 (89), pp. 158-177. (In Russian).
5. Hobbes T. *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil*, London, Green Dragon, 1651. 396 p. (Russ. ed.: Gobbs T. *Leviafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 478 p.).
6. Guzikova M.O, Spiridonov D.V. Lingvisticheskoe opisanie ideologii: problema metodologii [Linguistic description of ideologies: problem of methodologies]. *Politicheskaja lingvistika*, 2014, no. 4 (50), pp. 105-112. (In Russian).
7. Durkheim E. *Le suicide*. Paris, F. Alcan, 1897. 462 p. (Russ. ed.: Diurkgeim E. *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etiud [Suicide: sociological etude]*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.).
8. Clausewitz C. *Der feldzug 1812 in Russland und die befreiungskriege von 1813-15*. Berlin, F. Dümmler, 1906. 505 p. (Russ. ed.: Klauzevits K. fon. 1812 god / Translated by A. K. Rachinsky & M. P. Protasov, ed. by A.A. Svechin & S.M. Belitsky. Moscow, Gosvoenizdat Publ., 1937. 242 p.).
9. Lettov-Forbek P. fon *Moi vospominaniia o Vostochnoi Afrike [My memories of East Africa]*. *Zamorskie teatry Pervoi mirovoi voiny [Overseas theaters of World War I]*. Moscow, AST Publ., 2003. 582 p. (In Russian).
10. Lowith K. Politicheskii detsizionizm [Political decisionism]. *Logos*, 2012, no.5 (89), pp.115-142. (In Russian).
11. Merton R.K. Social Structure and Anomie. *The sociology of crime and delinquency*. Ed. by M. Wolfgang, L. Savitz, N. Gohnston. New York – London, 1962. 423 p. (Russ.ed.: Merton R. K. *Sotsial'naia struktura i anomiiia, Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)*. Transl. by E.A.Samarskaya. Ed. by M.N. Gretskii. Moskva, Progress Publ., 1966, pp. 299-313).
12. Mouffe Ch. *On the Political*. London, New York, Routledge Publ., 2006. Pp.8–21, 29–34. (Russ. ed.: Muff. Sh. *Politika i politicheskoe*. Transl. by I.I. Miurberg. *Politiko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow, IF RAN Publ., 2008, pp. 88-102.).
13. Ostromenskij M.P. K teorii partizana K. Shmitta: Evoliutsiia partizana kak sotsial'no-politicheskogo fenomena [To the theory of the partisan K. Schmitt: Evolution of the partisan as socio-political phenomenon]. *Svobodnaia mysl'*, 2016, no. 4, pp.65-76. (In Russian).
14. Rahshmir P.Ju. Detsizionizm. Politicheskaiia teologiya Karla Shmitta. Zhiznennyi put' radikal'nogo oportunista [Political theology of Karl Schmitt. Course of life of the radical opportunist]. *Idei i liudi. Politicheskaiia mysl' pervoi poloviny XX veka*. Perm', Perm. Uni Publ., 2001. 272 p. URL: http://society.polbu.ru/rahshmir_ideas/ch28_i.html (Accessed 11.07.2016). (In Russian).
15. Rusakova O.F. Detsizionizm kak bazovyi kontsept konservativnogo diskursa K. Shmitta [Detsizionizm as basic concept of a conservative discourse of K. Schmitt]. *Diskurs-Pi*, 2013, no. 1-2, vol. 10, pp. 266-269. (In Russian).
16. Sventsitskii V. P. *Shutka Leitenanta Geiera [Joke of the Lieutenant Geyer]*. URL: http://az.lib.ru/s/swencickij_w_p/text_0453_geier.shtml (Accessed 11.07.2016). (In Russian).
17. Shmitt K. Poniatie politicheskogo [Concept of political]. *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1. pp. 37-67. (In Russian).
18. Shmitt K. *Politicheskaiia teologiya*. Sbornik. [Political theology]. Moscow, KANON-Press-C Publ., 2000. 336 p. (In Russian).
19. Shmitt K. Epokha depolitizatsii i neutralizatsii [Era of a depoliticization and neutralization]. *Sotsiologicheskoi obozrenie*, 2001, vol. 1, no. 2. pp. 48-58. (In Russian).
20. Shmitt K. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by* [Dictatorship. From sources of modern idea of sovereignty before proletarian class fight]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005, 306 p. (In Russian).
21. Shmitt K. *Teoriia partizana. Promezhutochnoe zamechanie k poniatiiu politicheskogo* [Theory of the partisan. The intermediate remark to concept of political]. Moscow, Praksis Publ., 2007, 301 p. (In Russian).

About the author

Ostromenskij Mihail Petrovich – Head of department of economic development and employment relationships of administration of Leninsky district of the city of Novosibirsk. E-mail: ostrom06@mail.ru.